

УДК 130

Р. И. Амирова
кандидат философских наук, доцент,
заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин
Криворожского факультета
Днепропетровского государственного университета внутренних дел

ЛИЧНОСТНАЯ СВОБОДА КАК МЕРА ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ

Одна из особенностей предыдущей «эпохальной» мировоззренческой и идеологической ориентации заключалась в том, что в свободе как важнейшем измерении бытия человека видели только отсутствие «внешних сил», стесняющих человеческую самость, и буквально «проповедовали» со всех пропагандистских «амвонов» о коллективистских идеалах свободы, утверждая последние в гражданских конфликтах, политических баталиях, революциях и войнах, но при этом мало обращали внимания на тот факт, что человеческая свобода является категорией исключительно «индивидуальной», она всегда произрастает изнутри, из духовных потребностей людей.

Вместе с тем сегодня возникли актуальные вызовы «постмодерной эпохи», ибо в матрице новых институциональных и нравственно-политических порядков совершенно изменились роль и место личности в общественном поле. Ныне «в центре постмодерна стоит массовая личность – как духовная субстанция, тогда как еще совсем недавно человек массы реализовал себя как природное и социальное существо. Личность обладает абсолютной свободой в приятии и неприятии культуры и цивилизации, она плюралистична в своих действиях и в своем сознании, она – субъект истории и как таковой обладает творческим потенциалом, свободно осваивающим все достижения культуры» [13, с. 32].

Разумеется, на этом новом смысловом фоне трансформируются представления о многих гражданских достоинствах – толерантности, лояльности, солидарности, честности, справедливости, доверии, модифицируется и отношение к пониманию таких модусов личности, как личностная свобода, ответственность и гражданственность.

Особо актуальной и весьма значимой в этом плане становится требующая дальнейшего осмысления проблема формирования культуры личностной свободы в контексте организации и совершенствования демократического социального порядка, основанного на высоком уровне гражданственности как одного из тех базовых оснований общества, которые выражают интегративное политико-нравственно-правовое качество социума и социального субъекта, включающее мировоззренческий, оценочный, культурный и поведенческий аспекты, то есть качество, о котором выразительно и точно написал Евгений Евгушенко: «Боль гражданства – не в собственной боли. Тот, кто истинный гражданин, защищает собою все поле, даже если он в поле один». Эти строки весьма образно иллюстрируют известный тезис немецкой классической философии, что гражданское общество рождается только в результате соединения «частного» с «публичным» [5, с. 24], то есть в сфере нравственного практического взаимодействия граждан, в сфере личностной и социальной свободы и всего связанного с ними шлейфа демократических категорий и практик, непосредственно зависящих от свободной деятельности членов общества.

Исходя из данных концептуальных суждений, становится понятным, что в координатах нашего дискурса его ключевым звеном объективно становится артикулирование свободы как свободы индивидуальной, ибо она «интимнейше связана с самой основой личности, основой её своеобразия и неповторимости, её творческих сил и её ценности» [7, с. 12]. И, собственно, на основе этих мировоззренческих меседжей и возникла идея написания настоящей статьи, жанровые истоки которой берут начало на перекрестке ассоциативных рядов, состоящих из медиафайлов нескольких политических ток-шоу о свободе, похожих в своей основе друг на друга как близнецы-братья: участниками, пригла-

шенным «простым народом», «жареной» проблематикой, а не поиском истины, стремлением к показушной респектабельности и «скромного обаяния буржуазии» с примесью нардеповского балагана, а также известной беседы Гамлета с Розенкранцем и Гильденстерном, где в рамках сценической ситуации параллель человека в флейтой модифицируется и получает наглядный «инструментальный» оттенок сопоставления примитивности деревянной дудочки и многовекторной сложности человеческого духа, разгадать который намного сложнее, чем извлечь звуки из простейшего музыкального инструмента, то есть выходит в плоскость неприкосновенности сущностных сил, достоинств и духовно-нравственных качеств человека, затрагивая тем самым сферу приоритетов философии свободы.

Следует заметить, что хотя философия и идеология свободы человека формировалась и выкристаллизовывалась на протяжении всей человеческой истории, всей истории философской и социальной мысли, найдя в силу своей обширности и многогранности отражение в трудах многих мыслителей, она вновь и вновь становилась предметом раздумий в разных отраслях гуманитарного познания. Такое внимание, казалось бы, должно было привести, с одной стороны, к утрате исследовательской значимости данного вопроса, а с другой – к догматизации авторитетных мнений относительно человеческой свободы. Тем не менее, и сегодня проблема свободы, как один из основных критериев цивилизованности и демократичности современного общества, не просто находится в центре духовной и политической жизни, а приобретает новое звучание в связи с актуализацией исследования таких модусов человеческого бытия, как свобода воли, ответственность за выбор жизненного пути и личностное самовыражение.

В целом всю совокупность исследований по этой проблеме можно разделить на три группы. В первую входят работы, в которых свобода рассматривается в аспекте классической философской методологии, вторую группу работ по проблеме свободы составляют труды экзистенциалистов, третья группа работ посвящена изучению проблемы свободы в свете постнеклассической парадигмы, интерпретирующей ее в качестве рефлексивной рефлексии объективной реальности.

В работе автор основывается на концепциях проблематики свободы, изложенных в трудах Платона и Аристотеля, Гоббса и Локка, Спинозы и Канта, Фихте и Гегеля, ее разноаспектной интерпретации такими теоретиками, как Н.А. Бердяев, И. Берли, Ж. Бодрийяр, Е. Левинас, Ф. Ницше, Х. Ортега-и-Гассет, Ж.-П. Сартр, В. Франкл, Э. Фромм, Ю. Хабермас, М. Хайдеггер, А. Шопенгауэр, К. Ясперс, опирается на значительный вклад российских и отечественных исследователей, среди которых имена Р.Г. Апресяна, А.А. Гусейнова, Ю.Н. Давыдова, И.А. Ерохова, М.В. Ильина, Б.Г. Капустина, С.Б. Крымского, В.С. Малахова, М.М. Мамардашвили, И.К. Пантина, М.В. Поповича, Г.Л. Тульчинского, С.В. Пролеева, Н.В. Хамитова, Ю.А. Шрейдера и др. При этом основным методологическим ориентиром для автора стали идеи, резюмируемые в таких формулировках, как «свобода – это не то, что человек имеет, а то, что он есть» (В. Франкл), «свобода от» и «свобода для» (Э. Фромм), которые через согласование свободы с ответственностью и гражданственностью «вносят» в пространство объективной реальности элемент активного действия, субъектом которого может быть только человек.

Что же в этом контексте представляет собой личностная свобода и какова ее взаимосвязь с личностной ответственностью и гражданственностью?

Обычно современность свободы в целом и свободы личности в частности рефлексирована как в конфигурации литых и веских максим, так и в качестве некоего индикатора, который характеризует состояние социума и вектор поведения человека как меру необходимости или случайности каждого его поступка, фиксирует момент разрыва классической философской детерминистско-диалектической последовательности и вносит в пространство объективной реальности элемент активного деяния, субъектом которого может быть только человек. Нам представляется, что именно в возможности деятельности и поведения человека в условиях отсутствия внешнего принуждения и заключается основной модус личностной свободы как универсалии культуры субъектного ряда.

В подтверждение этой мысли можно сослаться с мнением Э. Фромма, замечавшего в этой связи, что «модус бытия имеет в качестве своих предпосылок независимость, свободу и наличие критического разума. Его основная характерная черта – это активность не в смысле внешней активности, занятости, а в смысле внутренней активности, продуктивного использования своих человеческих потенций. Быть активным – значит дать проявиться своим способностям, таланту, всему богатству человеческих дарований, которыми – хотя и в разной степени – наделен каждый человек. Это значит обновляться, расти, изливаться, любить, вырваться из стен своего изолированного «я», испытывать глубокий интерес, страстно стремиться к чему-либо, отдавать» [12].

Иными словами, всем известная сентенция, что «моя свобода всегда кончается там, где начинается свобода моего ближнего», действительно имеет глубочайший смысл, так как совместное бытие потому только и возможно, что предполагает в людях изрядную долю конформизма, поскольку, по знаменитой формуле Иммануила Канта, свобода всех возможна только в том случае, если свобода каждого не простирается дальше того, где она совместима со свободой всех остальных. Свобода же, выходящая за эти пределы, превращается в своеволие, насилие, ограничение свободы других людей и тому подобное, свидетельствует о том, что ее «обладателю» явно не достает такой внутренней характеристики (модуса), как культура личностной свободы, которая является чрезвычайно важным регулятором поведения индивида, она отсутствует в повседневном политическом быту человека, более всего стремящегося реализовать свою свободу. Иными словами, свобода как феномен представляет собой выход в область морали, лежащей в основе социальной идентичности людей, где присутствуют так называемые сильные моральные оценки, связанные с акцентированием роли нормативных предписаний, стоящих выше утилитарных соображений. Она есть одновременно и условие, и императив нравственного развития, в котором на первый план выступают проблемы нравственного поведения по отношению к Другому, преодоление эгоцентризма отдельных людей и целых социальных групп [8, с. 50].

В этом контексте предпринятый нами синтез методологических решений рассмотрения проблемы «свободы», ответственности и гражданственности, исходя из их онтологических, аксиологических и функциональных модусов, детерминированных не только интенциями психики человека, но и действием общих социокультурных законов, позволяет нам сформулировать принципиальный концептуальный тезис, что объективная мера гражданственности определяется, с одной стороны, спецификой и содержанием социального пространства, с другой – интенциями и мотивами личности, задаваемыми наличной культурой ее личностной свободы.

Как все это институционализируется в пространстве постсоветского демократического транзита?

Духовная ситуация, сложившаяся к сегодняшнему дню, характеризуется таким несомненным достижением, как раскрепощение, освобождение культурного потенциала общества, выходом из состояния безгласия и идеологической зашоренности сознания. Однако одновременно с этим мы вдруг стали ощущать кризис свободы, ибо, как выяснилось, жить в условиях свободы в некотором смысле труднее, чем в несвободном обществе, так как взаимосвязь между индиви-

дуальной свободой и уровнем социального развития далеко не исчерпывается принципом дополнительности, сколь бы важным последнее ни являлось.

К сожалению, в условиях современной социодуховной разрухи свободу зачастую понимают односторонне, практически совершенно игнорируя такой ее аспект, как ответственность, из-за чего ее главный экзистенциально-личностный, внутренний смысл остается невостребованным, ибо тут культивируется не действительная свобода, а её иллюзия. Но ведь свобода – далеко не вседозволенность, у нее есть свои очень жесткие пределы, с тем чтобы свобода не превратилась в мощную разрушительную силу, хаос, анархию и произвол. Еще Монтегк заметил: «Разрешено человеку делать все, что он хочет, и ты погубишь его» [10], что созвучно платоновской мысли о сопоставимости чрезмерной свободы с чрезмерным рабством, ибо безудержное следование желаниям и страстям, которое порой совершенно неоправданно считается важнейшим признаком свободы, нельзя абсолютизировать. Свобода, говоря фигурально, требует «деликатного» обращения, иначе она очень легко может перешагнуть условную границу и перейти в свою противоположность. По-настоящему свободным сможет стать лишь тот, кто способен свою свободу ограничивать, ведь истинно свободными мы можем быть лишь внутри самих себя. И, когда мы слышим, что «свобода состоит вообще в возможности делать все, чего хотят, то мы можем признать такое представление полным отсутствием культуры мысли: в этом представлении нет еще ни малейшего даже намека понимания того, что есть в себе и для себя, свободная воля, право, нравственность» [6]. И именно поэтому свобода на «законных основаниях» ограничивается, усекается, вводится в конструктивное русло, она де-юре и де-факто «бывает там, где господствует закон, а не произвол» [6, с. 28].

Подобное ограничение стремлений и ценностей, которое внешне выглядит как ущемление свободы, на самом деле является важнейшей предпосылкой ее жизни, ибо, как замечал еще Тацит, лишь глупцы считают своеволие свободой. Свобода объективно и субъективно возникает и утверждается в мире в образе права: в форме норм правопорядка, разрешений, запретов и гражданской ответственности, ибо «только в основе права лежит свобода отдельного человека, и право заключается в том, чтобы я обращался к другим как со свободным существом» [4, с. 36].

Понятно, что глубинный источник свободы и ее сущность заключены не только в юридических формах, которые сами по себе не могут ни объяснить, ни исчерпать свободы, ибо право – «это лишь минимум человеческой свободы» [2, с. 90]. Степень свободы индивидуума определяется степенью его развития, ибо «свободу нельзя ни из чего вывести, в ней можно лишь изначально пребывать» [3, с. 12]. Человек реализует себя в свободе через переживание своей самости и через ответственность за свой выбор (в граничных основаниях – выбора на жизнь праведную или неправедную), ибо свободны люди всегда в той мере, в какой ответственны и гражданственны. Культура личностной свободы является одновременно культурой ответственности, обладающей эвристическим значением применительно к свободе, ибо свобода как определенная форма активности и ответственность как определенная форма регуляции, слившись, порождают феномен самодетерминации – свободной саморегулируемой активности зрелой личности. Там же, где они не сливаются, возникают феномены квазиответственности, лишенной свободы, и квазисвободы, лишенной ответственности [9]. Это говорит о том, что свободное бытие личности всегда носит нравственный модус поступка, оно всегда со-бытийно, ибо даже если человек максимально свободен, он не может освободить себя от «долженствования», от своей индивидуальной ответственности [1, с. 105].

Таким образом, свобода и ответственность – эти два личностных модуса – так тесно связаны между собой, вследствие чего вполне правомерно рассматривать их как два аспекта одной и той же реальной экзистенции, ибо никто из нас в принципе не может быть свободен абсолютно, поскольку мы все

свободны в рамках чего-либо. Так было, есть и будет всегда, потому что как в одном из гротескных произведений Кафки герой не может преодолеть цикличность и непрерывность процесса и обречен все время попадать в институциональные ловушки вольности и произвола, которыми искусственно ограничили рамки его партикулярной свободы, так и все мы вынуждены ходить по тому тесному порочному кругу, из которого нам очень сложно, но необходимо выйти.

Как известно, попытку найти решение данной проблемы предпринял Бенедикт Спиноза, который первым раскрыл диалектику свободы и необходимости, полагая, что свободу надо отличать от произвола, то есть от действий, не сообразующихся с необходимостью, усматривая «свободу не в свободном решении (*decretum*), но в свободной необходимости (*libera necessitas*)» [11, с. 590]. В дальнейшем эта мысль была превращена в известную знаменитую формулу «свобода есть познанная (и осознанная) необходимость», из которой следует, что личностная свобода, ответственность и гражданственность должны пониматься и как цель, и как необходимое условие жизнедеятельности, то есть рассматриваться не как абстрактные понятия с неуловимо изменяющимся содержанием, а как конкретное положение человека в окружающем социальном и естественном мире, как определенный уровень согласованности, коррелируемости индивидуальных сознаний и, следовательно, действий, поступков во всем объеме человеческого сообщества.

Свобода личности – видеть все собственными глазами, принадлежать себе и мудро этим пользоваться. Но, как говорится в одной восточной пословице, когда повязка падает с глаз, важно, чтобы она не закрыла рот, так как порой целая жизнь может уйти на то, чтобы освободиться от навязанного чужого, а иногда чуждого видения. Поэтому для нас сегодня главное, чтобы свобода личности – величайшее благо, подаренное человечеству эпохой Ренессанса, не превратилась в произвол личности, жажду власти, славы и богатства за счет других, не стала бы, как называл ее Ф. Достоевский, денежной «чеканенной свободой», а всегда оставалась маяющим, волнующим, движущим ощущением нашего бытия, не только выраженным де-юре в правовых нормах, в понятных знаковых символах и ярких артикулированных образах достойного существования, но и проявляющимся де-факто в личностной и общественной жизни.

Литература

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. Москва, 1979. 424 с.
2. Бердяев Н.А. Философия неравенства. Москва: ИМА Пресс, 1990. 288 с.
3. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. Москва: Правда, 1989. 608 с.
4. Гегель Г. Философская пропедевтика. Работы разных лет: в 2 т. Москва: Мысль, 1973. Т. 2. 630 с.
5. Гегель Г. Философия истории. Сочинения: в 14 т. Москва, Ленинград: Соцэкгиз, 1935. Т. 8. 470 с.
6. Гегель Г. Философия права. Москва: Мысль, 1990. 524 с.
7. Зеньковский В.В. Дар свободы. Париж: YMCA PRESS, 1928. 24 с.
8. Иванов В. Социальные проблемы – ахиллесова пята современного глобального капитализма. Континент. 2000. № 105.
9. Леонтьев Д.А. Личностное в личности. Личностный потенциал как основа самодетерминации. Ученые записки кафедры общей психологии МГУ им. М.В. Ломоносова. Вып. 1. Москва: Смысл, 2002. С. 56–65
10. Монтескье Ш.Л. О духе законов. Москва: Мысль, 1999. 672 с.
11. Спиноза Б. Избранные произведения: в 2 т. Москва, 1957. Т. 2. 728 с.
12. Фромм Э. Иметь или быть. Величие и ограниченность теории Фрейда. Москва: АСТ, 2000. 448 с.
13. Чучин-Русов А.Е. Новый культурный ландшафт: постмодернизм или неорархаика? Вопросы философии. 1999. № 4. С. 24–41.

Аннотация

Амирова Р. И. Личностная свобода как мера гражданственности. – Статья.

В статье излагается авторская интерпретация метафизики личностной свободы и гражданственности как критериев внутренней культуры и духовности человека, освещается широкий круг проблем, актуализированных вызовами «постмодерной эпохи», подчеркивается необходимость дальнейшего осмысления проблем формирования культуры личностной свободы в контексте организации и совершенствования демократического социального порядка. Ключевым звеном рассматриваемой проблемы дискурса становится артикулирование свободы как свободы индивидуальной. Автором предпринят синтез методологических решений рассмотрения проблемы «свободы», ответственности и гражданственности, поскольку по-настоящему свободным сможет стать лишь тот, кто способен свою свободу ограничивать. В связи с этим отмечается, что глубинный источник свободы не заключен в юридических формах, а определяется степенью развитости индивидуума. Таким образом, подчеркивается, что свобода, ответственность и гражданственность – это аспекты единой экзистенции.

Ключевые слова: личностная свобода, культура свободы, культура личностной свободы, гражданственность, ответственность.

Анотація

Амірова Р. І. Особистісна свобода як міра громадянськості. – Стаття.

У статті викладається авторська інтерпретація метафізики особистісної свободи і громадянськості як критеріїв внутрішньої культури й духовності людини, висвітлюється широке коло проблем, актуалізованих викликами «постмодерної епохи», підкреслюється необхідність подальшого осмислення проблем формування культури особистісної свободи в контексті організації та вдосконалення демократичного соціального порядку. Ключовою ланкою цієї проблеми дискурсу стає артикулювання свободи як свободи індивідуальної. Автором здійснено синтез методологічних рішень розгляду проблеми «свободи», відповідальності й громадянськості, оскільки по-справжньому вільним зможе стати лише той, хто здатний свою свободу обмежувати. У зв'язку з цим відзначається, що глибинне джерело свободи не укладене в юридичних формах, а визначається ступенем розвиненості індивідуума. Отже, підкреслюється, що свобода, відповідальність і громадянськість – це аспекти єдиної екзистенції.

Ключові слова: особистісна свобода, культура свободи, культура особистісної свободи, громадянськість, відповідальність.

Summary

Amirova R. I. Personal freedom as a limit of civility. – Article.

In the article the author's interpretation of metaphysics personal freedom and civility as criteria of the inner culture and person's spirituality is expounded, a wide list of problems, which are actualized by the challenges of "postmodern era", is interpreted the necessity of further comprehension of problems of the formation of the culture of personal freedom in the context of the organization and improvement of democratic social order is emphasized. The key link of the looked over problem of discourse the articulation of freedom as individual freedom becomes. The synthesis of methodological decisions of looked over problems of "freedom" responsibility and civility was undertaken by the author, because in reality only that person, who is able to limit his/her freedom, can be free. In connection with it is noted that a profound source of freedom is concluded not in legal forms but it is determined by the extent of an individual. Thus, it is emphasized that freedom, responsibility and civility are aspects of a single existence.

Key words: personal freedom, freedom's culture, personal freedom's, civility, responsibility.